

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В «СОВРЕМЕННОМ»

Публикация В. Евгеньева-Максимова.

Сотрудничество М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Современнике» началось в 1844 г., когда он еще не был Щедриным. П. А. Плетнев, тогдашний редактор «Современника», напечатал на страницах своего журнала несколько его стихотворений, не отличавшихся ни художественностью формы, ни глубиной и оригинальностью содержания (их библиография приведена в работе К. Арсеньева «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова», напечатанной в т. IX Сочинений Салтыкова, изд. 1889—1890 гг.). Первое из них появилось в т. XXXIV «Современника» 1844 г., а последнее в т. XXXIX 1845 г. После этого связь Салтыкова с «Современником» порывается на два года. Она возобновилась лишь в 1847 г., когда, по данным автобиографической записи 1887 г. (см. ее факсимиле в книге Арсеньева «Салтыков-Щедрин», СПб., 1906 г.), Салтыков «начал заниматься писанием рецензий», доставая эту работу с помощью Вал. Майкова и Вл. Милютина в «Отечественных Записках» Краевского и «Современнике», уже перешедшем из рук Плетнева в руки Некрасова и Панаева. Большинство салтыковских рецензий этого времени помещено в «Отечественных Записках», что же касается «Современника», то установлена принадлежность Салтыкову лишь трех рецензий, напечатанных в № 10 1847 г. (стр. 124, 127, 132). Возможно, что Салтыков поместил в «Современнике» еще несколько рецензий¹, но они покамест неизвестны. Во всяком случае сколько-нибудь прочных отношений между Салтыковым и редакцией «Современника» в рассматриваемый период не образовалось. Правда, А. Я. Панаев в последней главе своих «Воспоминаний» рассказывает, что Салтыков пытался устроить в «Современнике» повесть «Запутанное дело», но Панаев, просмотрев ее, возвратил назад «потому что нечего было и думать, чтобы цензура пропустила ее». Однако вполне достоверным этот рассказ признать нельзя, так как он не подтверждается другими источниками, а «Воспоминания» Панаевой, вообще говоря, источник не слишком надежный². В одном только мемуаристка несомненно права: «Запутанное дело» действительно было напечатано в «Отечественных Записках» (1848 г., № 3) и послужило причиной ссылки Салтыкова в Вятку. Последнее обстоятельство прервало, как известно, литературную деятельность Салтыкова на целые 8 лет. Возобновив ее в 1856 г. созданием «Губернских очерков», Салтыков, по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, имел намерение отдать это свое произведение в «Современник», однако Тургенев, которому «Очерки» были переданы на прочтение, отозвался о них отрицательно. Некрасов, положившись на отзыв Тургенева, отказался принять их в «Современник», о чем впоследствии крайне сожалел. Несмотря на категорический тон утверждений Пантелеева (см. его книгу «Из воспоминаний прошлого», т. II, стр. 151—153), и его рассказ признать безусловно достоверным мы затрудняемся, опять-таки за отсутствием других источников, подтверждающих его указания. Первым произведением Салтыкова, помещенным в «Современнике» по возвращении из ссылки, был рассказ «Жених», появившийся в № 10 журнала за 1857 г. Вслед за «Женихом» Салтыков поместил в «Современнике» в период с 1859 по 1864 г. целый ряд своих произведений, при чем особенно интен-

сивным его сотрудничеством сделалось в 1863—1864 гг., когда Салтыков не только занял своими творениями многие сотни страниц журнала, но и вошел в состав его редакции.

Об одной из сторон сотрудничества Салтыкова в «Современнике», а именно о материальных, точнее говоря, о гонорарных условиях его работы, у меня имеются сведения, не появлявшиеся еще в печати. Дело в том, что около 20 лет назад мне посчастливилось на чердаке дома Панаевых в Павловске (нынешнем Слуцке), при любезном содействии сына и дочери Ипполита Александровича Панаева, заведывавшего в 50-е и 60-е годы конторой «Современника», разыскать «архив конторы» «Современника» за последнее десятилетие его издания. Архив этот состоял из нескольких переплетенных конторских книг и пачек со счетами, расписками и другими подобного рода документами. Дочь и сын покойного И. А. Панаева, Александр Ипполитович Панаев и Ольга Ипполитовна Гилядебрант, разрешили мне использовать эти ценнейшие материалы (впоследствии они были переданы их собственниками в Пушкинский дом при Академии Наук СССР, ныне ИРЛИ, где и хранятся до сего времени) для моих историко-литературных работ. На их основании мною был освещен вопрос о «практичности» Н. А. Некрасова как редактора-издателя «Современника». Статья моя, посвященная этому вопросу, под заглавием «Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» в свое время была напечатана на страницах «Вестника Европы» (1915 г., № 4). Однако далеко не все выписки, сделанные при разработке «панаевских материалов», были использованы мною в этой статье и некоторых последующих работах. В частности, до сего времени в большей своей части оставались неиспользованными выписки, относящиеся к сотрудничеству в «Современнике» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Огромный интерес, который так заслуженно и справедливо возбуждают в настоящее время и жизнь, и личность, и творчество этого последнего, позволяет думать, что опубликование ряда документов, проливающих свет на условия работы Салтыкова в «Современнике» 50—60-х годов, будет далеко не излишним, тем более, что среди этих документов есть такие, которые позволяют установить авторство Салтыкова в отношении некоторых доселе неприписывавшихся ему произведений и отвергнуть его авторство в отношении произведений, считающихся подлинно салтыковскими. Правда, речь идет о произведениях небольших и не слишком значительных, но едва ли кто усомнится, что установление даже мелких фактов этого рода, поскольку они относятся к такому писателю, как Салтыков, не лишено значения. Затем, среди упомянутых документов «панаевского архива» имеется несколько еще не появлявшихся в печати писем Салтыкова. Пусть это опять-таки небольшие письма, иногда записочки строго делового характера, но под ними стоит подпись «великого сатирика земли русской», и одно это уже делает их значительными.

После этих предварительных замечаний перейду к непосредственному обозрению найденных материалов.

К сотрудничеству Салтыкова в «Современнике» до 1863 г. относятся лишь указания на размер гонорара, полученного им за те произведения, которые он печатал в этом журнале. Я свожу эти указания в особую таблицу.

1857 г. № 10 — «Жених, картина провинциальных нравов», 4 л. 2 стр., по 100 р. за лист, а всего 412 р. 50 к.

1859 г. № 2 — «Развеселое житье», 1 л. 12 стр., по 125 р. за лист, а всего 218 р. 75 к.

1860 г. № 1 — «Скрежет зубовой», 1 л. 15 стр., по 250 р. за лист, а всего 484 р. 38 к.

1860 г. № 8 — «Наш дружеский хлам», 1 л. 3 стр., по 200 р. за лист, а всего 237 р. 50 к.

1861 г. № 2 — «Литераторы-обыватели»	} 5 л. 15½ стр., по 200 р. за лист, а всего 1193 р. 75 к.
„ № 10 — «Клевета»	
„ № 11 — «Наши глуповские дела»	

1862 г. № 2 — «К читателю», 2 л. 9 стр., по 150 р. за лист, а всего 384 р. 37 к.

Таким образом гонорар, получаемый Салтыковым в «Современнике» этих лет, колебался от 100 руб. за лист («Жених») до 250 руб. за лист («Скрежет зубовой»). Всего

за 17½ листов текста, напечатанных в «Современнике» и составивших 8 отдельных произведений, Салтыков получил 2913 руб. 25 к., т. е. полнотный его гонорар в среднем равнялся 167 р. 50 к.

Гораздо больше материала дает «панаевский архив» за 1863—1864 гг. Не забудем, что в это именно время Салтыков был и плодотворнейшим сотрудником «Современника» и одним из редакторов этого журнала.

Приводимые ниже документы в целях систематизации перенумерованы.

1

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 8 февраля 1863 г.³
и счет его конторе «Современника» за работы в № 1.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

По прилагаемому при сем счету, засвидетельствованному Н. А. Некрасовым, следует мне получить с редакции денег 359 р., которые я и просил бы Вас вручить подателю сего. С совершенным почтением имею честь быть

Ваш покорный слуга
М. Салтыков

8 февраля

В три раза мною в счет работ получено: а) 150 р., б) 500 р. и в) 500 р. • 1 150 р. — к.

Заработано:

Редакционные за декабрь и январь	300	»	—
Невинные рассказы по 100 р. за лист, 3 л.	300	»	—
Наша общественная жизнь по 100 р. за лист, 1¼ л.	125	»	—
О цензуре, 1 л. по 75 р.	75	»	—
Известие из Полтавской губернии и Драматурги-паразиты 2¼ л. по 75 р.	159	»	—
Библиография, 2¼ л. по 75 р.	168	»	50
Московские письма и Петербургские театры, 2¼ л.	169	»	—

Итого . . . 1 296 р. 50 к.

МОТИВ ИЗ «ГУБЕРНСКИХ
ОЧЕРКОВ»

Рисунок М. Башилова, литографиро-
ванный П. Борелем

«Художественный Листок»
1863—1869 гг.

Сверх того мною заплачено из собственных денег:

Г. Унковскому за статью «Новые основания судопроизводства» ⁴ , 1 1/2 л. по 75 р.	112 р. 50 к.
Г. Плещееву вперед в расчет	100 " — "
Итого . . .	1 509 р. — к.

Наверху (над текстом счета) рукою Салтыкова написано: «По сему счету 359 р. получил М. Салтыков».

Внизу (под текстом счета) рукою Некрасова написано: «Прошу доплатить по сему счету. Н. Некрасов».

Любопытно, что конторой «Современника» был составлен перерасчет, снизивший сумму долга Салтыкову с 359 до 314 руб., т. е. на 45 руб. Разница получилась вследствие того, что Салтыков определял листаж своих произведений в круглых цифрах, при чем округление неизменно производилось им в свою пользу. Так например, листаж «Невинных рассказов» он определял ровно в 3 печ. листа, и гонорар за них исчислял в 300 руб. Контора же «Современника» определяла их листаж в 2 л. 15 стр. и гонорар за них исчисляла в 293 р. 75 к., что давало разницу в 6 р. 25 к. Впрочем это различие в исчислении суммы долга Салтыковым и конторою практических последствий не имело, и Салтыкову, как мы видели, было уплачено 359, а не 314 руб.

2

Расписка М. Е. Салтыкова от 25 февраля 1863 г. в получении «в счет работ по «Современнику» 1000 руб.

3

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 16 марта 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 3.

Препровождаю, на обороте сего, счет следующим мне деньгам за работы в 3-ем № «Современника». Если Вы, многоуважаемый (Ипполит Александрович, найдете этот счет верным, то я покорнейше просил бы следующие по нему деньги вручить подателю для передачи мне.

Прошу Вас верить искренней преданности уважающего Вас

16 марта 1863 г.

М. Салтыкова

После обеда в гостях	11 стр.
Несколько полемических предположений	9 »
Московское письмо	12 »
Анафема (библиография)	2 »
Дополнение к «Известию из Полт. губ.»	1 »
Наша общественная жизнь	27 »

62 стр.

Всего следует, рассчитывая по 100 р. за лист .	387 р. 50 к.
Да редакционных за февраль	150 р. —

Итого . . . 537 р. 50 к.

Заплачено мною собственных денег:

Г. Буренину за 3 стихотворения	45 р. — к.
Г. Бергу (отдано Плещееву в счет романа «За- коулок»)	55 р. — »
Г. Мазуренко в счет «Записок Хуторянина» . .	50 р. — »

Итого . . . 150 р. — к.

А всего следует мне из конторы получить . . 687 р. 50 к.

Из этого числа 200 р. на погашение забранных мною вперед 1 000 р.

Остается получить 487 р. 50 к.

Остается за мной в долгу 800 р. — »

По счету 487 р. 50 к. получил

М. Салтыков

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 26 апреля 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 4.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

По прилагаемому счету следует мне получить из конторы для меня и для удовлетворения гг. Унковского и Буренина 656 р., за вычетом 200 р. для погашения моего долга «Современнику». А потому не будете ли Вы так добры в счет этих денег выслать мне 275 р., а на остальные 381 р. прислать на имя Московского Базунова записку, чтоб удовлетворил ими г. Унковского, с которым я имею счета, и который может удовлетворить и Буренина.

Не будете ли Вы также так добры послать мне счет должных Плещеевым денег, включив в него и 50 р., числящихся в прилагаемом счете. Не лишним считаю при этом присовокупить, что Плещеевым в настоящему году помещено в «Современнике» 6 стихотворений на сумму 90 р.

Весь Ваш
М. Салтыков

Должен редакции	800 р.
Следует за работы по Апрельской кн.	
Редакционных за март	150 р.
Дано Плещееву (известно Н. Ал.) ⁶ , которые и следует записать ему в счет	50 р.
Библиография 21 стр.	
Общественная жизнь 28 стр.	
Свисток.	
Цензор в попыхах 7 стр.	
Анекдот об Юркевиче, 6 стр. (за остальные 8 стр. следует получить Антоновичу).	
Секретное занятие 3 стр.	
Стихов 5 стр.	
Литературные будочки и сопелковцы 4 стр.	
Заключение 2 стр.	
А всего за 76 стр. или $4\frac{3}{4}$ л.	475 р.
Всего	675 р.
Г. Буренину за стихи в «Свисток» по условию с Н. А. Некрасовым	50 р.
Г. Унковскому за статью 28 стр. по 75 р.	131 р.
Итого	856 р.

За вычетом 200 р. для погашения долга следует получить 656 р.
Остается за мной в долгу 600 р.
По сему счету получил 656 р.

М. Салтыков

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 11 мая 1863 г. и его счет конторе «Современника» за работы в № 5.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

Сегодня в 6 часов я уезжаю в Москву, а потому весьма нуждаюсь в деньгах. Хотя «Современник» за май еще не вышел, но так как статья, мною написанная для этой книжки, уже набрана и пропущена цензурой, то я просил бы Вас удовлетворить меня теперь по прилагаемому счету, который Вы впоследствии, по выходе книжки, можете

проверить. Вместе с тем, я просил бы Вас в счет моего долга удержать на этот раз не 200, а 150 р., так как мне очень нужны деньги. Останется за мной 450 р., которые Вы и пополните из следующих мне редакционных денег за Май, Июнь и Июль.

Еще одна просьба: нет ли у Вас Красных Книжек ^в Некрасова 1-й и 2-й; если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой, с вычетом следующих денег из 250 р.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим покорным слугой.

11 Мая 1863 г.

М. Салтыков

Должен редакции	600 р.
Следует за № 5-й получить:	
Редакционных за апрель	150 р.
за статью «Наша общественная жизнь» 2 1/2 листа	250 р.

Итого	400 р.
А за уплатой 150 р. в счет долга	250 р.
за сим за мной в долгу	450 р.

По сему счету от Звонарева 250 р. получил

М. Салтыков

В течение лета и первых осенних месяцев переписка между Салтыковым и И. А. Панаевым повидимому прервалась в связи с тем, что в июньском и июльском номерах «Современника» он не поместил почти ничего. Когда она возобновилась, то Салтыкову, как видно из прилагаемых письма и счета, пришлось говорить о гонораре за работы для сентябрьской книжки; впрочем упоминаемый им «прежний счет» — это, по всей вероятности, счет за август.

6

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 16 октября 1863 г. негб
счет конторе «Современника» за работы в №№ 8 и 9.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

Сделайте одолжение, пришлите мне с сим подателем деньги по прилагаемому счету. В числе их я желал бы получить росписку на имя Московского Базунова, чтоб он выдал 200 р. А. М. Унковскому, которые я ему должен. Если Вы стесняетесь выслать мне всю сумму, то вышлите по крайней мере 300 р. и росписку на Базунова.

Весь Ваш

16 октября 1863 г.

М. Салтыков

По прежнему счету контора мне должна	309 р.
В сентябрьской книжке напечатано:	
Прощаюсь, ангел мой, с тобою	19 стр.
Разборы Кохановской и Фета	20 стр.
Наша обществ. жизнь	21 стр.
Итого	60 стр.

За 60 страниц следует	375 р.
Редакционных за сентябрь	150 р.
А всего следует	834 р.

7

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 30 октября 1863 г.⁷

Сделайте одолжение, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите хоть 100 руб. в счет должных мне редакцией денег. Крайне необходимо, потому что наступает 1-ое число, а с ним и неизбежные расчеты.

Весь Ваш
М. Салтыков

«ПРИЯТНОЕ СЕМЕЙСТВО»

Рисунок М. Башилова к «Губернским очеркам», литографированный П. Борелем
«Художественный Листок» 1868—1869 гг.

8

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 9 ноября 1863 г.

Сделайте одолжение, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне вперед до расчета 150 руб., ибо имею самую великую крайность в деньгах.

Весь Ваш
М. Салтыков

9

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 16 ноября 1863 г. и его
счет конторе «Современника» за работы в № 10.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович.

Имею, по истине, величайшую крайность в деньгах, а потому покорнейше просил бы Вас, если возможно, прислать мне со Звонаревым следующее по прилагаемому счету.

Весь Ваш
М. Салтыков

За редакцией оставалось	84 р. — к.
Редакционных за октябрь	150 " — "
За 10 стр. в библиографии (последние 3 статьи)	62 " 50 "
Итого	296 р. 50 к.

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от ноября 1863 г. (точно дату установить трудно) и счет конторе «Современника» за работы в № 11.

Будьте так добры, многоуважаемый Ипполит Александрович, пришлите мне деньги по прилагаемому счету в Понедельник или во Вторник.

Весь Ваш
М. Салтыков

За мною было	200 р.
Следует получить по выходе ноябр. книжки	
Редакционные за ноябрь	150 »
Полистной платы за статьи:	
Современное движение в расколе	5 $\frac{1}{2}$ стр.
Петербургские театры	16 $\frac{1}{2}$ стр.
Наша общ. жизнь	26 стр.
	48 стр.

Всего 3 листа 300 р.

Итого 450 р.

Следовательно за вычетом долга следует получить 250 р.
250 р. через Гусева получил М. Салтыков

11

Составленный конторой «Современника» общий счет работы
М. Е. Салтыкова за январь—ноябрь 1863 г.

Счет Салтыкова (М. Е.)

Наименование статей

В №№ 1 и 2. Невинные рассказы по 100 р. 3 лист.	300 р.
Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьск. книжке «Русского Вестника» 1862 г. (О цензуре) по 75 р. 1 л.	75 р.
Драматурги-паразиты во Франции } 2 л. 2 стр.	159 р.
Известие из Полтавской губернии	
Новые книги по 75 р. 2 л. 4 стр.	168 р. 50 к.
Московские письма Гурииз } 2 л. 4 стр.	169 р.
Петербургские театры	
Наша общественная жизнь 1 л. 4 стр.	125 р.
В № 3	
После обеда в гостях 11 стр.	387 р. 50 к.
Несколько полемических предполож. 9 стр.	
Московские письма 12 стр.	
Дополнение к Известию из Полтавской губернии 1 стр.	
В библиографии. Разбор Анафемы или Торж. Прав. 2 стр.	
Наша общественная жизнь 1 л. 11 стр.	
В № 4	
Новые книги 1 л. 5 стр.	475 р.
Наша общественная жизнь 1 л. 12 стр.	
В Свистке	
Цензор в попыках 7 стр.	
В Анекдоте об Юркевиче 6 стр.	
Секретное занятие 3 стр.	
Стихи: Не искушай меня, Голос Публициста, Элегия, В голове все страх и бредни 5 стр.	
Литературные будочники и сопелковцы 4 стр.	
Заключение для следующих №№ Свистка 2 стр.	
В № 5	
Наша общественная жизнь 2 л. 7 стр.	250 р.
Еще по поводу заметки из Полтавской губернии 1 стр.	

В № 6	В ст. о Новых книгах:		
В № 8	Разбор стихотв. Павловой 5½ стр.	}	459 р.
	Кому как угодно 2 л. 11 стр.		
	В деревне 1 л. 9 стр.		
В № 9	Прощаюсь ангел мой с тобою 1 л. 3 стр. .	}	375 р.
	В отделе: Новые книги		
	Разбор сочинений Кокановской и Фета 1 л. 4 стр.		
	Наша общественная жизнь 1 л. 5 стр. . .		
В № 10	В отделе: Новые книги: разбор . .	}	62 р. 50 к.
	Сказание о том и пр. Князя Львова		
	Киевские волнения — Громека . .		
	Руководство к Судебной защите . .	10 стр. . .	
В № 11	В отделе библиографии:		
	Современное движение в расколе 5½ стр. . .	}	300 р.
	Петербургские театры 1½ л.		
	Наша общественная жизнь 1 л. 10 стр. . . .		
За статью	34 л. 15½ стр.		3 305 р. 50 к.

Редакционных:

Декабрь — 1862
 Январь — 1863
 Февраль
 Март
 Апрель
 Май
 Июнь
 Июль
 Август
 Сентябрь
 Октябрь
 Ноябрь

Редакционных	1 800 р.
А всего по 11-ю книжку включительно . .	5 105 р. 50 к.

12

Письмо М. Е. Салтыкова И. А. Панаеву от 11 января 1864 г. со сче-
 том за работы его в № 12 «Современника» 1863 г.

Милостивый Государь
 Ипполит Александрович.

Будьте так добры прислать мне расчет мой по Декабрьской книжке. Мне следует редакционных за Декабрь 150 р. и за статьи от 197 по 253 стр., а всего без пробелов за 55 стр. 347 р. 75 к., всего же мне следует 493 р. 75 к.

Сверх того, следует послать г. Дружинину в Лугу остальные деньги за рассказ его «Люба»⁸ в 38½ стр. Всего за этот рассказ следует ему 120 р. 30 к.; в то число ему уже послано 50 р. и послан экземпляр Соврем. 16 р. 50 к., следовательно нужно бы дослать 53 р. 80 к., но из них Вы потрудитесь удержать 16 р. 50 к. и запишите его пренумерантом на «Современник» 1864 года, а остальные 37 р. 30 к. пошлите в Лугу.

Будьте так добры, уведоьте меня, могу ли я надеяться, что 30 Января Вы мне дадите полномочие получить в Москве от Базунова 1500 р. Повторяю, что я возвращу Вам 500 р. 15 февраля, 750 р. 1 марта, 250 р. в Апреле.

Ваш М. Салтыков

11 Января

13

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 25 января 1864 г.⁹

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

Будьте так добры, пришлите мне обещанное переводное письмо на получение от Базунова (в Москве) 1500 р. Если можно, то завтра, т. е. в Воскресенье.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть
Ваш покорнейший слуга

М. Салтыков

25 Января

14

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 12 февраля 1864 г. со
счетом за его работы в № 1 «Современника» 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

Мне следует получить за Январскую книжку следующее количество денег: редакционных 150 р., за рассказ 23 стр., за Обществ. жизнь 31 стр., за библиографию с 79 по 86 стр. за 7 стр., а всего за 61 стр. 381 р. 25 к.; итого 531 р. 25 к. Из этого числа прошу Вас вычесть: 100 р. так как я в Москве взял у Базунова сверх 1500 р. еще 100 р. и 33 р. за 2 экз. Современ. Остальные 398 р. 25 к. прошу Вас прислать мне, если возможно, в Пятницу в редакцию, где я буду около 1 ч. по полудни.

Весь Ваш

М. Салтыков

12 Февраля

15

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 17 марта 1864 г. со
счетом за его работы в № 2 «Современника» 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

За Февральскую книжку «Современника» мне следует получить:

Редакционных за Февраль 150 р.
за статьи:

в библиографии стр. 260—261 и стр. 289—290, всего за 12 стр. «Наша Обществ. Жизнь» 35 стр., а всего за 47 стр. 293 р. 75 к. Деньги эти, 443 р. 75 к., прошу Вас мне не присылать, а почесть их в счет моего долга Конторе (1500 р., взятых у Базунова). Остальное количество долга и надеюсь пополнить в скором времени. Прошу Вас также прислать мне росписку в получении от меня уплаты в счет долга.

Весь Ваш

М. Салтыков

17 Марта 1864 г.

16

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от 13 апреля 1864 г. со
счетом за работы в № 3 «Современника» 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

за Мартовскую книжку мне следует получить:

Редакционных 150 р.

За статью «На заре ты ее не буди» 35 стр. } 71 стр. . . . 443 р. 75 к.
«Наша общественная жизнь» 36 стр.

Всего 593 р. 75 к.

Деньги эти почислите в счет моего долга Конторе полным количеством, а так как мною уже уплачено в этот счет 443 р. 75 к., то убедительнейше прошу Вас прислать мне на них росписку в получении от меня 1037 р. 50 к., так как мне это необходимо для моих счетов. Вместе с тем мне было бы необходимо послать в Москву 100 р., то если у Бабунова есть деньги «Современника», пришлите мне записку на выдачу этой суммы г. Унковскому, а я выдам подателю, для вручения Вам, сто р. наличными.

Весь Ваш
М. Салтыков

13 Апреля

17

Письмо М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву от марта—апреля 1864 г.

Милостивый государь
Ипполит Александрович.

Вновь позволяю себе убедительнейше просить Вас о присылке мне росписки в получении от меня 1037 р. 50 к. в уплату моего долга, а также росписки на получение от Бабунова в Москве 100 р. взамен тех, которые я выдам подателю наличными деньгами. Если б возможно было Вам прислать все это сегодня вечером, я был бы весьма Вам обязан, ибо успел бы тогда завтра отправить росписку в Москву.

Весь Ваш
М. Салтыков

Получено за Промышленность 10р.	
Получено за Промышленность	
Получено за Промышленность	13 75.
Получено за Промышленность	10 .
25 Получено за Промышленность	320 .
За Промышленность	30 .
Получено за Промышленность	300.
За Промышленность	17
Всего	
За Промышленность	15
30 Получено за Промышленность	30.
Всего	21
Получено за Промышленность	25 .
Всего	33 .
Получено за Промышленность	103 12.

СТРАНИЦА ИЗ КОНТОРСКОЙ КНИГИ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ» ЗА 1862 г., ПИСАННАЯ РУКОЙ М. М. ДОСТОЕВСКОГО С РОСПИСЬЮ ГОНОРАРА АВТОРАМ Среди последних — фамилия Салтыкова, напечатанного в 1862 г. во «Времени» очерки «Недавние комедии» и «Наш губернский день»

Музей Ф. М. Достоевского, Москва

Черновик расписки от 16 апреля 1864 г., выданной конторой
«Современника» М. Е. Салтыкову.

Главная контора редакции
СОВРЕМЕННОГО

Литейный пр., против Артил.
казарм № 27 (Брока)

Апреля дня 16

В счет уплаты Редакции Современника за взятые, в нынешнем 1864-м году, у ней заимообразно из Московской Конторы при книжном магазине Ив. Вас. Базунова, Михаилом Евграфовичем Салтыковым одной тысячи пяти сот рублей серебром, — засчитываются следующие от Редакции Михаилу Евграфовичу Салтыкову за статьи его, помещенные в II и III №№ Современника 1864 г. с помесичным за февраль и март месяца сего года одна тысяча тридцать семь рублей пятьдесят коп. серебром что и свидетельствую.

19

Счет М. Е. Салтыкова конторе «Современника» за работы
в №№ 4 и 5 1864 г.

(Составлен, судя по почерку, не им, а другим лицом, очевидно по его поручению.)

Долгу редакции с выходом мартовской книжки . . .	462 р.
Следовало получить:	
Редакторских за апрель и май	300 р.
За статьи в Апрельской книжке в библиографии (страницы 255—261 (266—267) всего за 7 стр. и в Майской кн. Литературные мелочи 25 стр. и «Чужая вина» 2 ¹ / ₂ стр. всего за 34 ¹ / ₂ стр.	215 р.
Всего . . .	515 р.

Долг Левитова 50 р. М. Е. Салтыков просит настоятельно редакцию принять на себя и выдать ему эти деньги

Салт.

Писем и документов, относящихся к остальным месяцам 1864 г., нам в свое время разыскать не удалось. Особенно сожалеть об этом не приходится, так как приводимый ниже общий счет работы М. Е. Салтыкова в течение всего 1864 г. в значительной степени восполняет этот недостаток.

20

Счет заработанного Салтыковым в «Современнике» в 1864 г.
(Выписка из конторской книги «Современника» 1864 г.)

В № 1	За ст. Здравствуй милая хорошая моя	1 л. 7 стр.
	Наша общественная жизнь	1 л. 15 ¹ / ₂ »
	Разбор новых книг	
	Стих. Плещеева	3 ¹ / ₂ »
	Наши безобразники	1 »
	Сказки Марка Вовчка	2 »
В № 2	Нашу общественную жизнь	2 л. 4 »
	Разбор стих. Майкова	11 »
	Воздушное путешествие чрез Африку	1 »
В № 3	Ст. На заре ты ее не буди	2 л. 3 »
	Наша общественная жизнь	2 л. 3 »
В № 4	Разбор «Записки Щепкина», Моя судьба Камской и рассказ Алекс. Высоты	3 »
	Сборник по истории старообрядства	1 »
	Литературные мелочи	1 л. 9 »
	Разбор комедии Устрялова «Чужая жизнь» . .	2 »
В № 8	Романс Она еще едва умеет лепетать	1 л. 10 »
	Разбор Ролла. Поэма Мюссе	6 ¹ / ₂ »
В № 10	Разбор романа Леонтьева. В своем краю . .	6 »

15 л. 12 стр.

По 100 руб. за лист 1 575 р.
 Редакторских следовало по 150 р. в месяц, за 5 мес. 750 р.
 Выдано г. Левитову г-ном Салтыковым 50 р.

Из этой выписки между прочим явствует, что с октября 1864 г. Салтыков уже ничего в «Современнике» этого года не печатал, если не считать письма в редакцию, помещенного в № 12. Удивляться этому не приходится: 6 ноября Салтыков был назначен председателем Казенной палаты в Пензу, т. е. снова приобщился к высшей губернской администрации. Этим было разумеется и вызвано только что упомянутое письмо в редакцию: в нем Салтыков извещал Некрасова о своем выходе из состава редакции журнала, не отказываясь впрочем от сотрудничества в нем. Однако обещание сотрудничества было им почти не выполнено: в 1865 г. ни в «Современнике», ни в каком другом периодическом издании он не напечатал ровно ничего, а в 1866 г. в «Современнике» появилась всего лишь одна его небольшая статья «Завещание моим детям». Эта статья была напечатана в январской книжке «Современника», а весной 1866 г. состоялось высочайшее повеление об окончательном запрещении этого журнала.

Подведем некоторые итоги, устанавливающие листаж всего напечатанного Салтыковым в «Современнике» и общую сумму полученного им гонорара.

Выше приводились данные о том, что до 1863 г. Салтыков напечатал в «Современнике» 17½ л. и получил за них 2 931 р. 25 к., т. е. в среднем по 167 р. 50 к. за лист.

В течение 12 месяцев 1863 г. Салтыков поместил в «Современнике» 38 л. 6½ стр. (34 л. 15½ стр. до декабря 1863 г., см. документ № 11 и 55 стр., т. е. 3 л. и 7 стр., в декабре, см. документ № 12) и получил за них 3 653 р. 25 к., т. е. в среднем около 96 р. за лист¹⁰.

В 1864 г., с января по октябрь, Салтыков поместил в «Современнике» 15 л. 12 стр. своих произведений и получил за них 1 575 р., сплошь из расчета по 100 руб. за лист.

Кроме того за декабрь 1862 г., за все 12 месяцев 1863 г. и за 5 месяцев 1864 г. Салтыков получал редакционные, по 150 руб. в месяц; всего же за 18 месяцев он получил редакционных 2 700 руб. Надо думать, что именно в связи с назначением Салтыкову ежемесячного жалованья был несколько снижен его листный гонорар: до 1863 г. он получал в среднем 167 р. 50 к. за лист, а в 1863—1864 гг. — лишь 100 руб. за лист. Впрочем в его литературной продукции этих лет публицистика и библиография решительно преобладали, а их оплата, вообще говоря, была значительно ниже оплаты беллетристики.

Всего за время своего сотрудничества в «Современнике» Салтыков напечатал в этом журнале 71 л. 10½ стр. и получил за них 8 159 р. 50 к. Если же присчитать сюда 2 700 руб. редакционных, то общая сумма его заработка в «Современнике» выразится во внушительной цифре — 10 859 р. 50 к.

Большую половину этих денег, а именно 5 453 р. 25 к., Салтыков получил в 1863 г. В этом году его работа приобрела небывалую, исключительную в летописях литературы интенсивность. Напечатать за один год 38 л. 6½ стр., что составляет 614 стр., т. е. 1 413 350 печатных знаков, это значило побить такой рекорд, который мало кому был доступен.

Помимо историко-литературного и биографического интереса (вопрос о гонорах, о степени интенсивности журнальной работы такого писателя, как Салтыков, конечно из чисто биографического перерастает в историко-литературный) приведенных документальных данных о сотрудничестве Салтыкова в «Современнике» они, как уже указывалось выше, дают твердое основание для того, чтобы признать салтыковскими несколько новых текстов и наоборот отвергнуть авторство Салтыкова в отношении текстов, до сих пор приписывавшихся ему. Как известно, список анонимных статей Салтыкова в «Современнике» был впервые опубликован А. Н. Пыпиным в его книге «М. Е. Салтыков» (СПб., 1899). В течение долгого времени список не возбуждал ни малейших сомнений, несмотря на то, что не было известно, на основании каких материалов он составлен. Ныне мы имеем возможность установить, что сведения, легшие в основу списка, или даже целиком перешедшие в него, сообщил А. Н. Пыпину по его

просьбе тот же И. А. Панаев. В архиве ИРЛИ сохранилось следующее письмо И. А. Панаева, адресованное А. Н. Пыпину:

г. Павловск
23 Мая, 1869.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Псылаю Вам сведения о работах покойного М. Е. Салтыкова в «Современнике» за 1862 и 1864 годы. В 1865 и 1866 гг. он в «Современнике» не участвовал, а за 1863 год сведений, к сожалению, не могу доставить, потому что не нахожу одной из моих книг.

Желаю Вам и всему Вашему семейству здоровья и всего хорошего.

Преданный Вам Иппол. Панаев.

В рукописи против фразы письма: «В 1865 и 1866 гг. он в «Современнике» не участвовал» имеется карандашная пометка, сделанная (и справедливо) вероятно Пыпиным: «Не верно, «Завещ[ание] моим детям» в 1866 г.»

К сожалению до нас дошел лишь текст письма, самое же приложение — список — повидимому утеряно. Несомненно однако, что это «приложение» и легло в основу «пыпинского списка»; столь же несомненно, что И. А. Панаев мог сообщить эти сведения об анонимных статьях Салтыкова, обратившись к тем же записям из конторских книг «Современника», которые здесь публикуются. Однако записи эти были использованы неполно. Некоторые весьма существенные дополнения, основанные на беглом просмотре тех материалов, которые использованы в настоящей работе, были впервые сделаны мною еще в 1917—1919 гг. в ряде газетных статей и повторены в 1926 г. в моей книге о Салтыкове «В тисках реакции». Однако уже не беглое, а углубленное изучение документов, относящихся к сотрудничеству Салтыкова в «Современнике», позволяет внести новые дополнения и изменения в «пыпинский список» работ Салтыкова 1863 г.

Этим мы теперь и займемся.

Из документов, приведенных нами под №№ 1 и 11, следует, что Салтыкову в двойной (январско-февральской) книжке «Современника» 1863 г., кроме помеченных в «пыпинском списке», принадлежали две большие статьи размером в 2 печ. листа и 2 стр., а именно: «Известие из Полтавской губернии» («Современник», № 1—2, стр. 47—62) и «Драматурги-паразиты во Франции» (там же, стр. 63—80).

Из документов под №№ 3 и 11 следует, что Салтыкову в № 3 «Современника» принадлежала маленькая, в 1 страницу, заметка: «Дополнение к «Известию из Полтавской губернии» («Современник», № 3, стр. 173).

Из документов, приведенных под №№ 4 и 11, следует, что в «пыпинском списке» допущены следующие ошибки: 1) в «Свистке» № 4 «Современника» М. Е. Салтыкову приписаны «Письма отца к сыну», которые в действительности принадлежали не ему, а Антоновичу¹¹; 2) в «Свистке» же Салтыкову приписан весь «Анекдот об Юркевиче», тогда как в действительности его перу принадлежит в нем всего 6 стр., а остальные 8 стр. написаны Антоновичем; 3) Салтыкову приписано пять стихотворений, напечатанных в «Свистке», а именно: «Московские песни об искушениях и невинности», «Гимн публицистов», «Элегия», «В голове все страх да бредни» (стр. 32—37) и «Песня Московского дервиша» (стр. 71—72), тогда как последнее, несмотря на то, что было подписано псевдонимом Салтыкова «Мих. Змиев-Младенцев», принадлежало не ему, а Буренину¹²; 4) не упомянутая в «пыпинском списке» статейка «Литературные будочники» (стр. 78—80) оказывается целиком принадлежащей Салтыкову.

Далее, из документа за № 11 следует, что в № 5 «Современника» Салтыков напечатал статейку «Еще по поводу заметки из Полтавской губ.» (стр. 158) и в № 6 рецензию на стихотворения Каролины Павловой (см. отдел «Новые книги», стр. 311—316).

«ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА. ПЕРВЫЙ
РАССКАЗ ПОДЪЯЧЕГО»

— Батюшка, Демьян Иванович, —
помоги!

— Вы, приказные, и деньгу-то
скопить не умеете, все в кабак, да
в карты... Ну, уж нечего делать,
ступай в Широковскую область по-
дать собирать.

Рисунок П. Анненского к «Губерни-
ским очеркам» из «Сына Отечества»
1857 г.

Из документов за №№ 6 и 11 следует, что в № 9 Салтыкову принадлежит рецензия на повести Кохановской и стихотворения А. А. Фета (см. отдел «Новые книги», стр. 67—87).

Из документа за № 11 следует, что в № 10 «Современника» Салтыков поместил целых три рецензии — на книгу кн. Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила», на книгу С. С. Громеки «Киевские волнения в 1855 году» и на «Руководство к судебной защите по уголовным делам» (стр. 316—326).

Наконец из документов за №№ 10 и 11 следует, что Салтыкову в № 11 «Современника» принадлежит рецензия на книгу «Современное движение в расколе» (см. отдел «Новые книги», стр. 83—89).

Таким образом произведенные разыскания убеждают, что «пыпинский список» должен быть пополнен следующими 12 статьями и рецензиями:

- 1) «Известие из Полтавской губернии» в № 1—2.
- 2) «Драматурги-паразиты во Франции» в № 1—2.
- 3) Дополнение к «Известию из Полтавской губернии» (№ 3).
- 4) «Литературные будочники» (№ 4, см. «Свисток»).
- 5) «Еще по поводу заметки из Полтавской губ.» (№ 5).
- 6) «Стихотворения Каролины Павловой» (№ 6).
- 7) «Повести Кохановской» (№ 9).
- 8) «Стихотворения А. А. Фета» (№ 9).
- 9) «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила», кн. В. В. Львова (№ 10).
- 10) «Киевские волнения в 1855 г.» С. С. Громеки (№ 10).
- 11) «Руководство к судебной защите по уголовным делам» (№ 10).
- 12) «Современные движения в расколе» (№ 11).

С другой стороны, из «пыпинского списка» должны быть безусловно изъяты как отнюдь не принадлежащие Салтыкову: а) ст. «Письма отца к сыну» (№ 4) целиком; б) стих. «Песня Московского дервиша» (там же) целиком и в) 8 страниц из статьи «Анекдот об Юркевиче» (там же).

Отнюдь не ставя своей задачей углубленное рассмотрение новонайденных текстов, отметим однако, что некоторые из них представляют значительный общественный и историко-литературный интерес, оттеняя те или другие стороны в идеологической позиции Салтыкова в 60-е годы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно будет беглого обзора их содержания и цитации двух-трех из них.

В «Известии из Полтавской губ.»¹³, публицистической статье в 1 печ. лист, Салтыков, отправляясь от полученного редакцией «Современника» известия о кулачной расправе одного полтавского помещика с мировым посредником, дает яркое изображение тревожного и взволнованного состояния русского общества в связи с отменой крепостного права и доказательно выясняет вздорность обвинений, предъявлявшихся к практическим работникам из среды молодого поколения, в частности к мировым посредникам, реакционной частью дворянства.

В другой большой публицистической статье «Драматурги-паразиты во Франции»¹⁴ Салтыков хотя и говорит о Франции и французской литературе, в частности о Сарду и Ожье, но не в меньшей степени имеет в виду русскую современность, касаясь в завуалированной форме даже таких острых ее вопросов, как отношения России и Польши (в это время разгоралось польское восстание), и резко выступая против натравливания русских на поляков, которым занималась реакционная пресса с Катковым во главе.

Против реакционной же прессы и ее позиции в польском вопросе направлена и салтыковская художественная сатира из «Свистка» — «Литературные будочники». Ближайшим поводом к ее написанию являлись статьи по польскому вопросу в № 67 «Московских Ведомостей» и в № 66 «Нашего Времени». В них нашли себе выражение и злобное ликование по поводу слухов о начавшемся разложении польских революционных отрядов, и личные выпады по адресу отдельных участников революционного движения (Пустовойтовой, Рогинского), и полемика против тех высказываний русской печати, в которых не проявлялось огульно отрицательного отношения к польским притязаниям.

«Литературные будочники» печатаются нами целиком.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ

(Размышления, навеянные чтением № 67 «Моск. Вед.» и № 66 «Нашего Времени»)

Обвиняют так называемых «свистунов» в высовывании языка. Я не видал, как они это делают, но, должно быть, у них оно выходит недурно. Я рассуждаю так потому, что «свистуны» народ молодой, веселый, добродушный, следовательно, если и высовывают языки, то именно тем, кому следует, и тогда, когда следует. Притом же и языки у них востренькие, чистенькие, как есть человеческие языки. Видеть такие языки даже приятно.

Но представьте себе, что перед вами неожиданно высовывает язык будочник; представьте себе, что это язык старый, желтый, распухший, покрытый слизью; представьте себе, что будочник злой и остервенелый, что он озлился именно вследствие того, что не имеет возможности отойти от своей будки, и высовывает язык всему, что ходит на свободе, что не приковано к будке... Какое чувство должно возбудить подобное высовывание языка? Где найти объяснение этому высовыванию? посредством какого рода самодеятельных умозаключений самодеятельная будочникова душа допустила язык сделать такую штуку? Не знаю, как в ком, а во мне подобное явление пробуждает только чувство сожаления. Одаренный от природы достаточным воображением, я в состоянии представить себе довольно живо ту досаду, которая должна накопиться в будочнике при мысли о том, что вот народ божий и идет, и едет, куда кому надобно, и руками болтает, и вообще держит себя более или менее непринужденно, и

один он, злосчастный будочник, не имеет права ни гулять, ни руками болтать, а должен стоять смирно и держать в руках алебарду. Я понимаю, что высывывание языка означает здесь вовсе не обиду мне, проходящему и ничем не обидевшему его лицу, а просто ропот самодетельной души на всеильную судьбу. Я воображаю и понимаю все это, и за всем тем все-таки отворачиваюсь — так противен для меня желтый, распухший, покрытый слизью будочнический язык.

Но это чувство гадливости принимает во мне совсем иные размеры, когда я вижу, что роль будочника добровольно берет на себя человек, которого никто не заставляет быть будочником, когда этот мрачный будочник-самозванец до того входит в свою роль, что сам себя приковывает к своей будке, сам по этому случаю приходит в озлобление и начинает высывывать язык всему, что не приурочило себя к будке, что чувствует себя настолько свободным, насколько это возможно в благоустроенном государстве. Приходя мало по малу в какой-то хладно-остервенелый энтузиазм, будочник-самозванец высывывает язык не только настоящему, но высывывает его прошедшему, высывывает будущему... нет той области, которая могла бы освободиться от этого высывыванья, нет той человеческой души, в которой ужасный будочник не замыслил бы сделать полицейский обыск. Какое чувство может возбудить подобное явление, не знаю, как в ком, а во мне оно производит омерзение...

Новый 1863 год внес и новый элемент, новые привычки в русскую литературу: элемент полицейский, привычки будочничества. Как и следовало ожидать, первый пример подала Москва-золотые маковки, устроившая очень ходко два частных дома, из которых литературное будочничество отпускается оптом и в розницу за весьма дешевую цену; за нею поспешил последовать и Петербург, в котором также появилось несколько будок, но это будки скверные, презренные, о которых не стоит и говорить, потому что торговля в них производящаяся едва-едва дает на хлеб будочникам. Петербургские литературные будочники ходят в сермягах и высывывают язык собственно в подражание тем нищим, которые показывают прохожим изуродованные руки и ноги, чтобы возбудить отвращение и выманить копейчку.

Все эти литераторы-будочники защищают какие-то принципы, приносят себя кому-то в жертву, перед кем-то изъясняются в любви. То пустятся в глумление, то заальются лаем против мнимых врагов, то начнут сентиментальничать с мнимыми союзниками. Но как ни усиливаются они, высисаться до ругательного лиризма, как ни стараются умягчить свои сердца до лести даже тому, что в действительности составляет предмет их ненависти, однако и сквозь лай, и сквозь сентиментальничанье все-таки сочтется одна нота — нота пошлого, напускного глумления. Это единственно естественная форма для выражения всех их мыслей и чувствований; на ней они должны и остановиться.

Но будем говорить серьезно, господа будочники. Вы охотно производите обыск и в душах людей вам не единомысленных, позвольте же произвести обыск и в ваших душах. Нет сомнения, что вы защищаете принцип справедливый (кто же имеет право усумниться в этом?), но как вы это делаете? Вы делаете это самым неловким, самым враждебным для принципа образом. Прежде всего вы полагаете, что здесь достаточно одной злобы, но ведь сплошная злоба не убеждает, а напротив того, производит одно отвращение. И еще вы прибегаете к хвастовству, но и хвастовство разве убедительно?... и какое хвастовство, какое гнусное, подкаретное хвастовство. Когда читаешь эти злобно-бестыже-хвастливые выходки, делается стыдно за вас, делается страшно за то дело, которого защиту вы

приняли на себя. Что такое? что такое? спрашиваешь себя в изумлении, и невольно приходишь к заключению, что вы первые враги того дела, что вы намеренно взяли за него, чтобы подкопаться и обесчестить...

«Вот тебе и «братцы, братцы, поцелуйтесь»! Вот тебе и «божественная Оливинска»! И ништо!» восклицает такой-то веселый будочник. «Моя личность наводит панический страх», повествует другой будочник характера мрачного. По поводу чего вы-то распеваались? Рады вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь? Подписчиков, что ли, вам это прибавляет?

Есть люди, которые даже к великим событиям и великим принципам не могут относиться иначе, как с точки зрения своих маленьких, карманных интересов. Это мошки, которые роями вьются около живого организма, чтобы напиться кровью. Они из всех сил жужжат, что поражают врагов живого организма, но в сущности поражают лишь самый организм. Это глашатаи ненависти, это сеятели междоусобий, это люди, которых должно остерегаться, ибо с помощью их никогда никакое дело покончено быть не может, ибо у них всегда наготове какая-нибудь застарелая вражда, какой-нибудь давно забытый, но не разъясненный счет.

Усердные пропагандисты стачек, всегда готовые на всякого рода соглашения с тем, что обещает им выгоду, эти люди не понимают только одного рода стачки — стачки с добром.

Это целый особый мир. Как смотрят эти люди на свет божий? какие у них знакомые? питаются ли они хлебом и мясом, или пожирают мышьяк? Пьют ли они вино и воду, или безвредно утоляют жажду синильною кислотой? Все это вопросы любопытные, которых разрешение сделало бы честь любому естествоиспытателю».

Не меньшей интерес, чем только что рассмотренные публицистические статьи Салтыкова, представляют его рецензии. Из них наиболее значительной является огромная, в целый печатный лист, рецензия на повести Кохановской. В ней Салтыков затрагивает очень важный вопрос об отношении к народу «интеллигентного меньшинства», высказывая свое мнение и о назначении культурного человека вообще, и о том, в чем должен заключаться истинный смысл жизни. «Если мы действительно сочувствуем народным массам, — заявляет он здесь, — мы должны брать их так, как они есть, мы должны принять за исходный уровень нашей деятельности тот нравственный и умственный уровень, на котором они стоят, и из него уж отправляться дальше. Наша роль — роль пропагандистов-образователей, но ведь понятно, что прежде чем приняться за пропаганду, надо изучить, понять и почувствовать ту почву, на которую имеет пасть наша пропаганда. Иначе народные массы отвернутся от нас, и вся наша деятельность, как бы ни была она разумна, исчезнет в пустоте. Итак, источник сочувствия к народной массе, с ее даже темными сторонами, заключается отнюдь не в признании ее абсолютной непогрешимости и нормальности (как это допускается славянофилами), а в том, что она составляет конечную цель истории, что в ней одной заключается все будущее благо, что она и в настоящем заключает в себе единственный базис, помимо которого никакая человеческая деятельность немыслима».

Характерно, что вопрос о народе затрагивается Салтыковым и в ряде других повонайденных рецензий. Так в рецензии на «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила» кн. Львова Салтыков высмеивает тех авторов книг для народа, которые считают нужным говорить с ним каким-то искусственным псевдонародным языком и развивать воззрения «положительно чуждые и народной мысли и кровной народной нужде». Из дальнейшего следует, что к такого рода воззрениям Салтыков относит сугубо-националистические и ура-патриотические тенденции Львова и подобных ему писателей для народа.

С особым интересом подойдишь к рецензии Салтыкова на выпущенную присяжным публицистом либеральных «Отечественных Записок» С. С. Громекой брошюру «Киев-

«ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ
БУЕРАКИН»

— Ну, а кроме шуток, отчего вы не служите?

— А позвольте вас спросить, почему вы так смело полагаете, что я не служу?

— Да потому, что не служите, вот и все.

— А в таком случае позвольте доказать совершенно противное. Во-первых, я каждый месяц посылаю чтановому четыре воза сена, две четверти овса и куль муки — следовательно служу; во-вторых, я ежегодно жертвую 10 целковых на покупку учебных пособий для уездного училища — следовательно служу; в-третьих, я ежегодно кормлю крутогорское начальство, когда оно благоволит заезжать ко мне по случаю ревизии, — следовательно служу»...

Рисунок П. Аппенского к «Губернским очеркам» из «Сына Отечества» 1857 г.

ские волнения в 1855 году». Однако она несколько обманывает наши ожидания, потому что в ней не выявлено вполне определенного отношения ни к киевским волнениям 1855 года, ни к тем несравненно более близким по времени волнениям, которыми обездоленные крестьянские массы ответили на пресловутую крестьянскую реформу 1861 года. Не выявлено, по всей вероятности, потому, что более щекотливой в цензурном отношении темы, чем данная тема, в 1863 г., когда ожидали всеобщего крестьянского восстания, и представить себе было невозможно. Если бы Салтыков имел цензурную возможность высказывать все, что он думал о злободневнейшем вопросе современности, его рецензия была бы одним из наиболее значительных его произведений этих лет...

Тем не менее и в настоящем своем виде она полна интереса, так как в ней доказано с предельной убедительностью, что полагаться на объяснение причин киевских волнений, даваемое автором брошюры, принимавшим деятельное участие в их усмирении, отнюдь не следует. Не забудем, что эти волнения ставят обычно в связь с опубликованием высочайшего манифеста о всеобщем ополчении. Приняв этот манифест за поголовный вызов участвовать в обороне государства, крепостные крестьяне начали массами записываться на военную службу в убеждении, что тем самым приобретут права свободных казаков, т. е. перестанут быть крепостными. Подробно описывая ход волнений, автор брошюры всячески подчеркивал, что крестьяне все время действовали как патриоты, беззаветно преданные белому царю. Одна из глав его брошюры посвящена рассказу о том, как был заарестован крестьянином и представлен властям студент, вдумавший возмущать их против царя. Салтыков разумеется смотрел на вопрос совершенно иначе, но выразить свой взгляд, повторяем, не имел цензурной возможности. Единственный путь, который ему оставался при данных условиях, это подорвать доверие к мнению Громеки. Этот путь он и избрал.

Киевские волнения в 1855 году. С. С. Громека
С.-Петербург, 1863

С. Громека принимал личное участие в усмирении крестьянских волнений, бывших в 1855 году в Киевской губернии, и потому рассказ его об

этом деле не лишен интереса. Как очевидец происшествия он имел возможность изобразить его со всеми разнообразными подробностями, или, по крайней мере, с теми внешними признаками истины, которые прежде всего бросаются в глаза. Но современники-очевидцы, в особенности же современники-участники, редко бывают прозорливыми историками; доля их собственного интереса в деле слишком значительна, чтобы не повлиять на их отношения к описываемому происшествию и не кинуть на них тень подозрения в пристрастии. Положим, что подозрение это будет и несправедливо, но дело совсем не в том, справедливо оно или несправедливо, а в том, что оно совершенно естественно возникает в уме читателя, который видит в рассказчике не просто рассказчика, но и действующее лицо, которого действия, наравне с прочими подробностями происшествия, подлежат критике и суду. А потому по большей части бывает так, что очевидцы благоразумно уклоняются от роли историков и довольствуются более скромною ролью летописцев, т. е. простых собирателей фактов, которые, впоследствии, должны составить достойные истории. К сожалению, г. Громека увлекается своим предметом более, нежели приличествует летописцу; он не просто записывает внешние признаки факта, а усиливается проникнуть в его внутренний смысл, не довольствуется рассказом о мерах, которые были предприняты для того, чтобы прекратить волнения, а относится к ним критически: одно хвалит, другое порицает. Понятно, что при этих похвалах и порицаниях на первом плане стоит его собственная личность: он сделал то-то, отвечал то-то, написал то-то. Понятно также, что, по законам общечеловеческой слабости, г. Громека не мог явиться своим собственным карателем, и что, в силу этой снисходительности, все совершенное собственно им является и уместным, и своевременным, и предусмотрительным, все же, сделанное без его участия, носит на себе характер бесполезности, нерасчетливости и во всяком случае могло бы быть сделано лучше, если бы он, г. Громека, был тут. Так например, вице-губернатор В—н, по рассказу г. Громеки, отличается лишь легкомыслием и неосновательностью суждений; генерал-майор Б—в «чинит телесное наказание», и, к сожалению, г. Громека приезжает на место уже тогда, когда нельзя предотвратить горестных последствий такого административного действия; полковник А—в, хотя и не чинит телесных наказаний, но зато и не прекращает волнений, а только замазывает дело. Только главный начальник края да генерал-адъютант Я—ч пользуются сочувствием г. Громеки, но и то потому, что внимают его советам. Одним словом, г. Громека, будучи весьма строг к своим товарищам по усмирению, в то же время очень снисходителен к самому себе; эта нескромность значительно уменьшает интерес, представляемый его книжкой, и даже делает чтение ее не совсем приятным.

По сознанию автора, брошюра его издана с целью дать возможность читателю «почерпнуть кой-какие сведения о политических воззрениях, инстинктах и желаниях южно-русского народа». Цель тем более похвальная, что есть множество таких читателей, которые совершенно отказывают простому народу в способности заявлять какие-либо политические воззрения. Убедить таких читателей, что простой народ совсем не настолько погружен в материальные интересы, чтоб из-за них не видит интересов высших,— дело хотя и трудное, но в то же время и очень завидное. Посмотрим же, выполнил ли и каким образом выполнил г. Громека свою задачу.

Повидимому, разрешение такого рода задачи достигается очень просто: обращением к источникам, из которых вышел факт, раскрытием истории постепенного его развития и созревания и, наконец, рассказом самого факта со всеми его подробностями. Тогда, без излишних мудрствований, дело объ-

яснится само собою. Но в том-то и штука, что для лица, принимающего в деле непосредственное участие, такого рода приемы не только трудны, но и положительно невозможны. Он практик в полном смысле этого слова, и принимаемое им на себя звание историка ни в каком случае не может изгладить тех черт действующего лица, которые составляют всю основу его деятельности; как практик, он прежде всего имеет в виду успех и практические последствия своих действий, и в силу этого начинает совсем не с разыскания истины (до разысканий ли тут! разыскивать будем после! говорится обыкновенно в таких случаях), а напротив того, сам приносит на место уже совсем готовый и даже очень определенный взгляд на причины, породившие факт. Эти причины, смотря по большей или меньшей степени мягкосердечия действующего лица, принимают характер мягкий или суровый, и сообразно с этим определяются и способы к устранению причин — тоже мягкие или суровые. Так например, можно приступить к факту с наперед заданною мыслью, что он есть плод простого недоразумения, и можно приступить с намерением видеть в нем порождение опасного буйства и преступного упорства. Можно даже дойти в этом случае до самых больших тонкостей: до различения между преступностью благонамеренною и преступностью неблагонамеренною. Само собою разумеется, что здесь возможность построения теорий тем легче, чем доступнее возможность упразднения их. Если, например, действующее лицо, задавшееся, положим, хоть мыслью о так называемых заблуждениях и недоразумениях и сообразно с этим расположившее свой план кампании, убеждается, что план этот не приводит к желаемому результату, то ничто не препятствует ему перейти к другой мысли — например, к мысли о преднамеренном упорстве, и сообразно с ним начертать новый план кампании. Здесь практический успех или неуспех — вот единственный критерий, который указывает на годность или негодность предвзятой теории, но указывает опять-таки в сфере исключительно практической, а отнюдь не в отношении к абсолютной правде, которая так и остается нетронутою. Короче сказать, здесь теория является совсем не как объяснение истины, а просто как средство к удовлетворению известной потребности человеческого духа, потребности очень беспокойной, в силу которой человек ни на минуту не может остаться без того, чтоб не стремиться к осмыслению своих отношений к факту, хотя бы это осмысление было и совершенно произвольное. Исполнители скромные и не разумеющие себя бог весть какими философами и политиками так именно и взирают на свои теории, как на вещь очень гадательную, и успех или неуспех свой объясняют исключительно действительностью или недействительностью предпринятых мер и искусством или неискусством, обнаруженным в их употреблении; напротив того, исполнители нескромные и мнящие себя урожденными философами не только самих себя уверяют в своей непогрешимости, но и других стремятся поставить на ту точку зрения, на которой стоят сами. Успех только укрепляет их в таком убеждении, дает им повод к беспрестанным ссылкам и к построению целой системы доказательств. Таких философов, кои стремятся проникнуть в таинства природы, а не ограничиваются одним ее созерцанием, очень много, и множество их равняется только множеству и разнообразию их философических попыток. Понятно, какая «рогатая штука» (выражение г. Громеки) может вылиться из этого философического разнообразия.

Вот почему мы позволяем себе думать, что все рассуждения, которые высказывает г. Громека о причинах, породивших киевские волнения 1855 года, суть рассуждения очень мало убедительные; что они даже повредили его брошюре в том отношении, что породили в читателе сомнение относительно правильной постановки самих рассказываемых фактов.

Например, г. Громека, как очевидец, утверждает, что волнения эти сами по себе имели значение, заслуживающее даже поощрения, и что тот прискорбный характер, который они с самого начала приняли, и тот еще более печальный исход, который получили впоследствии, объясняется отчасти недоразумениями, сопровождавшими обнародование манифеста 1855 года, призывавшего всех русских подданных «с железом в руке и с крестом в сердце» ополчиться за отечество, отчасти же южно-русским простодушием. Следовательно, если тут и есть преступность, то, по свидетельству автора, она заключается не в намерениях, а лишь в тех наружных действиях, в которых эти намерения проявились. Напротив того, полковник А—в, тоже очевидец, «приписывает главную причину волнений озлоблению крестьян противу экономических властей, дело же об указе и казачестве считает побочным и не более как предлогом» (стр. 14). Тут, стало быть, преступность является уже не в одних наружных действиях, но и в самых намерениях, следовательно и степень ее значительно усугубляется. Вот два мнения и оба принадлежат очевидцам. Г. Громека, быть может, скажет: мое мнение оправдывается успехом; но и г. А—в может сказать, что он также действовал вполне успешно и прекратил волнения, возникшие в Каневском уезде, очень скоро и при том одними «благоразумными» мерами. На это г. Громека, конечно, опять скажет: «вы не прекратили волнений, а только замазали дело»; но кто же может поручиться, что и г. А—в в свою очередь не ответит ему: «а вы разве прекратили что-нибудь? а вы разве не замазали?» Кто разрешит эту прю? кто скажет, кто прав и кто виноват? Конечно, все это, впоследствии, разрешат и расскажут нам знаменитые историографы наши, гг. Соловьев и Иловайский, но отнюдь не гг. Громека и А—в, потому что эти последние совсем не историки, а простые исполнители начальственных предписаний.

Оканчивая свою брошюру, г. Громека заключает: «хорош ли факт или дурен, но он состоит в том, что украинский народ предан русскому царю и не хочет ни английских, ни французских, ни иных каких-либо царей». С этим, разумеется, невозможно не согласиться, но здесь невольно рождается вопрос, для кого писана брошюра г. Громеки? кто сомневался когда-нибудь, что украинский народ хочет английских, французских и еще каких-то «иных» царей? Судя по тому, что брошюра написана по-русски, надобно думать, что она предназначается для русских же, которые, конечно, ни тени сомнения в этом смысле ни на минуту допустить не могут. Если же брошюра написана для таких людей, для которых Украина составляет неизвестную землю (такowymi представляются все иностранные публицисты), то ведь этих людей ничем не убедишь: у них тоже имеются на этот счет свои теории, в которых желания украинского народа играют ту самую роль, какую на сцене играют гости и пейзажи.

В рецензиях Салтыкова на стихотворения Каролины Павловой (№ 6) и Фета (№ 9) речь идет о вопросах уже не социально-политического, а литературного порядка. В них рецензент, в связи с оценкой рассматриваемых им произведений, высказывает свой взгляд на поэзию и на миссию поэта в условиях переживаемого исторического момента. Нечего и говорить, что к «мотыльковой» поэзии Каролины Павловой Салтыков беспощадно суров. «Вся эта поэзия,— говорит он,— есть не что иное, как стихотворное приращение приятных манер к случайно встречающимся на пути предметам... Главный мотив этой поэзии заключается в том, что все в природе не столько премудро, сколько прекрасно...»

Более благоприятен отзыв Салтыкова о Фете. Не отрицая в последнем поэтического дарования, рецензент однако подчеркивает, что «мир, поэтическому воспроизведению которого посвятил себя г. Фет, довольно тесен, однообразен и ограничен... Это мир не-

АВТОГРАФ ПИСЬМА Е. А. САЛТЫКОВОЙ К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ ОТ 10 ДЕКАБРЯ 1880 г. С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ АНОНИМНЫЕ СТАТЬИ ЩЕДРИНА В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Институт Русской Литературы,
Ленинград

10 Декабря 1880 г.
Михайловскому
Ваше письмо о
напечатании в «Отечественных
Записках» статей Щедрина
получено. Статьи эти
являются анонимными
и не могут быть
напечатаны в «Отечественных
Записках». Однако
я могу сообщить, что
они принадлежат
Щедрину. Если
вам угодно, то
я могу сообщить
вам их содержание.
Ваше письмо
получено. Я
буду стараться
сделать все,
что в моих
силах, для
того, чтобы
вам было
удобно.

определенных мечтаний и неясных ощущений... Слабое присутствие сознания составляет стличительный признак этого полудетского мирозерцания...»

Даже тот в высшей степени беглый обзор содержания статей и рецензий Салтыкова 1863 г., пропущенных в «пыпинском списке», который мы сделали, с достаточной убедительностью свидетельствует о бесспорной ценности и значительности некоторых из них. Немаловажным, с другой стороны, является и тот факт, что «Письма отца к сыну» оказались вовсе не салтыковским произведением, так как эти «Письма» не только не ввели бы новых лавров в венок Салтыкова, но и поставили бы в немалое затруднение его комментаторов, которым пришлось бы взять на себя неблагодарную задачу—объяснить, как мог Салтыков написать столь слабую в литературном отношении вещь. Затем из приведенных выше данных вытекает, что в «Анекдоте об Юркевиче» Салтыкову принадлежит всего 6 страниц, а «остальные» 8 страниц, написаны Антоновичем. Какая часть этой статьи представляет салтыковский текст, а какая антоновичевский? Ответить на это вполне определенно я не рискую, предоставляя решение этой задачи салтыковистам-текстологам. Однако некоторые предположения все же считаю позволительным для себя высказать. Выражение Салтыкова в письме-счете от 26 апреля 1863 г. «за остальные 8 стр. следует получить Антоновичу» дает некоторое, конечно не абсолютное, основание думать, что салтыковский текст предшествовал тексту Антоновича, так как слово «остальной» нередко приобретает смысл «последующий» — такой, который остается после чего-нибудь. Если с этой именно точки зрения мы подойдем к статье, то окажется, что первые 6 страниц (стр. 37—43) представляют собой связанное целое, говоря о публичных лекциях проф. Юркевича в Москве, направлен-

ных против материализма, о письме к лектору, содержавшему угрозу освистать его «известного материалиста», и о том, как лектор реагировал на это письмо¹⁰. «Остальные» 8 страниц «анекдота» (44—51 стр.), представляя, в свою очередь, связанное целое, очень пространно и многословно разъясняют законность свиста как средства публично высказывать свое неудовольствие. Явственно ощущаемое разделение «анекдота» на две части может служить доказательством, что именно первые 6 страниц писаны Салтыковым, а остальные 8 страниц — Антоновичем. К этому же выводу склоняют и соображения стилистического порядка. «По когтям узнают льна» — едва ли возможно, думается нам, сомневаться, что строки, составляющие средину 43 стр., принадлежат Салтыкову¹⁷, а между тем они заключают первую часть «анекдота», т. е. те самые 6 страниц, относительно которых мы думаем, что они принадлежат Салтыкову. Тем не менее все эти соображения нельзя считать решающими. Вполне допустима и иная точка зрения. Статью мог написать кто-нибудь один, например Антонович, а другой, скажем Салтыков, дополнил ее обширными вставками. Одно обстоятельство не может возбуждать ни малейших сомнений, ибо основывается на документальном свидетельстве самого Салтыкова: в «анекдоте» ему принадлежит всего 6 страниц, а не 14, как ошибочно указано в «пыпинском списке».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Р. В. Иванов-Разумник в своей монографии о Салтыкове высказал уверенность, что в «Отечественных Записках» и «Современнике» Салтыков напечатал много десятков рецензий. Поскольку речь идет о «Современнике», мы никоим образом не можем согласиться с этим утверждением. Рецензии «Современника» 1847 г. нами тщательно обследованы и число таких рецензий, чьи авторы не установлены, очень невелико. Думать, что все они принадлежат Салтыкову, конечно не приходится.

² Наличие в тексте «Запутанного дела» прямого выпада против одного из редакторов «Современника», Ивана Панаева, выведенного под именем Вани Мараева, «мужчины с пьяными глазами», берет всю версию Панаевой под сильнейшее сомнение.

³ Этому письму предшествовало письмо от 18 декабря 1862 г., которое и является первым из известных нам писем М. Е. Салтыкова к И. А. Панаеву. Перепечатаваем его из собрания «писем» Салтыкова 1925 г. (стр. 32):

«Вы весьма обязали бы меня, многоуважаемый Ипполит Александрович, если б прислали мне записку на имя Базунова (в Москву) о выдаче А. М. Унковскому 102 р. Взамен этой записки я вручу подателю ее наличные деньги, в таком же количестве.

18 Декабря

Весь Ваш М. Салтыков

⁴ Эта статья за подписью ее автора была напечатана в двойном январско-февральском номере «Современника» 1863 г. (стр. 389—413).

⁵ Т. е. Николаю Алексеевичу Некрасову.

⁶ В 1863 г. Некрасов в целях распространения своих стихов в крестьянской среде стал печатать их в особых «Красных книжках», снабжая ими книгонош-коробейников.

⁷ Это и два следующих письма уже приводились нами в печати (в статье «Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных», «Вестник Европы» 1915 г., № 4).

⁸ Повесть Николая Дружинина «Люба» была помещена в № 2 «Современника» за 1863 г.

⁹ Это письмо напечатано в собрании «Писем» Салтыкова 1925 г. под № 30.

¹⁰ За публицистические статьи и рецензии в № 1—2 «Современника» 1863 г. Салтыков, как это явствует из приведенных выше документов, получал по 75 руб. за лист; с номера же 3 за все статьи, независимо от их характера, получал уже по 100 руб. за лист.

¹¹ Авторство Антоновича устанавливается нами на основании целого ряда соображений, которые однако мы считаем излишним приводить здесь, так как вопрос этот не имеет непосредственного отношения к предмету настоящей статьи.

¹² См. предыдущее примечание.

^{13—14} Обе названные статьи частично изложены в моей книге «Очерки по истории социалистической журналистики в России» (стр. 105—106).